с людми думаста, что достоить сътворити» (кн. IV, гл. IV, ч. 1). Знатные и богатые приближенные царя называются боярами. Понятие присяги всегда передается древнерусским «рота»: «И полкы, и народ заведе роте, да бьются по Успасиане» (кн. VI, гл. X, ч. 6), «не могуще датися роты деля» (кн. VI, гл. VII, ч. 2). Постоянны в переводе слова и выражения, связанные с обозначением предметов, относящихся к военным сооружениям и укреплениям, к доспехам и вооружению, к дружинному быту и укладу, слова те самые, которые постоянно употребляются в летописях, «Слове о полку Игореве», слова, характерные для Киевской Руси. Нижняя внешняя часть укрепления называется «острог», а верхняя внутренняя — «детинець»: «Пустиша и жити в острог с своими женами и отрокы, сами же пребываху в детинци» (кн. IV, гл. IX, ч. 3). Постоянны в переводе такие слова, обозначающие военные сооружения, как «забрала», «приспы», «шатры», «чела», «комары», «стълпи» и др. Систематически употребляются термины дружинного убранства и вооружения: бронѣ, шеломи, мечи, сабли, копия, пороки (пращи), луки, тулы, сулицы, стрелы, трубы, хоругви. Наряду с дружинной часто употребляется и церковная терминология; предметы культа римской эпохи всегда обозначаются словами, характерными для русского церковного быта того времени. Так, словом «цьркъвь» обозначается всегда храм, не только иерусалимский, но и всякий языческий. При перечислении добычи, попавшей в руки Иоанна Гисхальского при захвате им храма, говорится: «и много от служебных сосуд разби, и отданаа богови различна дискоси, потир и трапезы» (кн. V, гл. XIII, ч. 6). Те же предметы перечисляются как переданные Титу после сожжения храма перешедшим на его сторону священником Исусом: «и раскопав стену, и выня два светильника злата, и трапезу, многы и потиры, и дискосы, и фиалы, вся сухим златом устроена и толсты» (кн. VI, гл. VIII, ч. 3).

Не оставляет переводчик при описании событий и других более мелких, но не менее характерных подробностей быта. Вот как описывается проникновение римских лазутчиков в осажденный иудейский город: «Другыи же сотник, именем Гал, 18 воин с ним, при том мятежи внидоша в некую храмину и ухранишася под лавицами. И господарем же пришедшим, и при вечери, восповестившимся, в людскую думу проявившим, они же, лежаще под лавицами, слышаша. И онемь спящим, нощию вышедше, убиша все и бежаша ко обрытию» (кн. IV, гл. I, ч. 5). В греческом тексте нет и речи о прятании под лавками, переводчик же не скупится два раза упомянуть об этой столь характерной для русского быта детали. В другом месте книги не свойственное русской природе животное — «онагр» — переводчик заменяет названием обычного лося.

Большая живость изложения достигается в переводе через всегда проводимую замену косвенной речи оригинала прямой. Действия, о которых столь сухо сообщается в подлиннике, в переводе тоже часто сопровождаются речами действующих лиц. При этом речи обычно кратки, энергичны, эмоционально насыщены. По стилю они очень напоминают речи героев русских летописей. Благодаря такому оживлению повествования читатель не только может ярко видеть перед собой действия изображаемых людей, но и слышать их говорящими. Вот идумеи, при поддержке зилотов одержавшие верх над сторонниками римлян в Иерусалиме, в ярости убивают вождей этого направления — первосвященников Иоанна и Исуса. В греческом тексте добавлено, что «став над трупами убитых, они потешались над попечениями Иоанна о народе, как и над речью Исуса, произнесенной им со стены». Вместо этого в древнерусском тексте читаем: «И стояще над трупома его, поругахуся има и глаголюще над